

ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ ЖМУДЬ

главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: l.zhmd@spbu.ru

Ю.Х. Копелевич: от филолога-классика к историку науки

УДК: 061.12(47)-052.24

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-28-40

Статья рассматривает профессиональное становление и эволюцию взглядов видного историка науки Ю.Х. Копелевич. В 1939 г. она поступила на кафедру классической филологии ЛГУ, сюда же вернулась после службы в действующей армии в годы войны (1941–1944), окончила здесь аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию (1955). Особое внимание в статье уделено анализу исторических обстоятельств конца 1940-х — начала 1950-х гг., а также учителям Ю.Х. Копелевич, многие из которых занимались историей науки. Они сумели развить способности Ю.Х. Копелевич и дать ей блестящую историко-филологическую подготовку, обеспечившую ее успехи как историка науки, переводчика и издателя научных текстов.

Ключевые слова: Ю.Х. Копелевич, кафедра классической филологии ЛГУ, Институт истории естествознания и техники, история науки.

Благодарность

Выражаю свою признательность А.М. Скворцову за помощь в ознакомлении с личным делом Ю.Х. Копелевич в архиве Санкт-Петербургского государственного университета и ценные советы.

Юдифь Ефимовна — так все ее называли при жизни — говорила, что в ее биографии было очень много случайного [Юсупова, Смагина, 2021, с. 33]. Действительно, еврейская девушка из Гомеля, отличница, комсомолка, активистка, приехала в 1939 г. вслед за старшей подругой поступать на филфак Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Сразу не получилось, поступила в Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО), но из-за того, что юношей с перво-

го курса университета забрали в армию — началась Вторая мировая война, — филфак объявил дополнительный набор; сначала заполнили русское отделение, а она попала на классическое. Это все случайности. В языковом запасе первокурсницы, кроме русского, были лишь школьный немецкий, родной идиш и белорусский, но она обладала хорошими языковыми способностями и блестящей памятью — в детстве томами пересказывала рано прочитанного Гюго, в юности сдавала на отлично экзамены по истории, ни разу не посетив лекции. «Я была активной девицей», — вспоминала она позже в интервью [Новик, 2001, с. 96]. Наполнявшая ее энергия позволяла преодолевать обычные для того времени тяготы жизни — в интервью рефреном звучит слово «голод»: голод в начале 1930-х гг. с трупами на улицах Гомеля, голод в первые студенческие годы, голод на войне и после войны, когда она уже растила дочь. С ее природными данными, с огромным желанием учиться она могла стать хорошим ученым, а кафедра классической филологии, где она встретила блестящих педагогов, ученых и переводчиков, в том числе и научных текстов, могла сделать ее таковым. И здесь уже никакой случайности не было.

Практически все преподаватели кафедры окончили гимназию и университет еще до революции, кроме Якова Марковича Боровского (1896–1994), который три года отучился в Политехническом институте, а в университет перешел в 1917 г. после отмены процентной нормы¹. Один из лучших в Союзе знатоков латинского языка, член-учредитель Международного общества живой латыни, он переводил еще с юности — Платона, Спинозу, Ф. Бэкона, Плиния Старшего, Лукреция, после войны — Плутарха и Фукидида. Издал перевод книги Леонарда Эйлера «Метод нахождения кривых линий, обладающих свойствами максимума, либо минимума» [Эйлер, 1934], которая позже помогла Юдифи Ефимовне в ее собственных переводах. Переводчик и редактор множества латинских текстов в Полном собрании сочинений Ломоносова, вышедшем в 1950-е гг.

Александр Васильевич Болдырев (1896–1941), умерший в первую блокадную зиму, был соавтором Боровского по знаменитому «Учебнику латинского языка» для вузов (переиздается до сих пор). Он также переводил диалоги для Полного собрания сочинений Платона, которое выходило в 1923–1929 гг. под редакцией академика С.А. Жебелева и философов А.П. Карсавина и Э.Л. Радлова. Мария Ефимовна Сергеевко (1891–1987) — до войны сотрудница Института истории науки и техники [Жмудь, 2013] — исследовала и переводила латинские труды по земледелию Катона, Варрона и Колумеллы, в блокаду перевела «Исповедь» Августина, позже — ряд трудов Ломоносова, в 1951 г. вышел ее фундаментальный перевод «Исследования о растениях» Феофраста.

Соломон Яковлевич Лурье (1890–1964) — пожалуй, самый талантливый из учителей Юдифи Ефимовны, выдающийся историк и филолог, до войны сотрудник Института истории науки и техники, автор множества переводов с греческого и латыни, в том числе и научных текстов, например, Архимеда, автор серии книг и статей по истории науки от античности до XIX в. [Там же]. Переводил переписку Эйлера (1935) и редактировал перевод его «Введения в анализ бесконечно малых» (1936). Софья Викторовна Полякова (1914–1994) — известная византистка, переводчица множества греческих и латинских античных и средневековых текстов. Иван Иванович Толстой (1880–1954) — единственный в то время академик по классической

¹ Подробную научную биографию Я.М. Боровского см.: [Гаврилов, 2009].

филологии, сын бывшего министра просвещения графа И.И. Толстого, блестящий филолог, фольклорист и переводчик. В 1948 г. под его редакцией вышел задуманный еще в 1930-е гг. сборник трудов по греческой технике со статьями и переводами античных авторов по самым различным темам, в том числе Боровского и Болдырева о технике военного дела и мореходства [Толстой, 1948].

Наконец, Иосиф Моисеевич Тронский (1897–1970) — крупный филолог-классик и лингвист-индоевропеист, автор главного советского учебника по истории античной литературы [Тронский, 1946], который до сих пор нечем заменить (6-е издание вышло в 2005 г.); с 1950-х гг. он все больше занимается языкознанием. Таковы были педагоги Юдифи Ефимовны, научившие ее древним языкам, греческой и латинской литературе, филологическим методам и вообще тому, как нужно заниматься наукой. Мы видим, что история науки была темой исследований для большинства ее учителей, а литературный перевод греческих и латинских текстов, в том числе и научных, мыслился как неотъемлемая часть их занятий филологией.

За все годы учебы Копелевич получила лишь одну четверку, от Тронского, за историю латинского языка, но в этом же семестре он поставил ей пять за историю латинской литературы², а позже стал руководителем ее диплома и кандидатской диссертации. Тогдашняя заведующая кафедрой О.М. Фрейденберг, которая не любила Тронского и по методам научной работы была его противоположностью, давала ему следующую уничижительную характеристику: «Тронский разыгрывал из себя академического Юпитера. Он носился со своей “требовательностью”, обожал, чтоб его трепетали <...> со своих учеников он семь шкур сдирает, и о нем ходила молва, что истинную школу может дать только он один <...> Он давал аспирантам огромнейшую литературу, в которой они тонули. Месяцы и годы уходили у них на то, чтоб преодолеть толстые комментарии на всех языках. Они дурели и совершенно забывали смысл того текста, который читали» (цит. по: [Файер, 2013, с. 307]). Участник домашнего семинара Тронского, впоследствии известный лингвист Л.Г. Герценберг отзывался о нем совсем иначе: «Со времени аспирантуры мне запомнился Иосиф Моисеевич Тронский своей благожелательностью, мудростью и абсолютным историко-филологическим совершенством» [Герценберг, 2011, с. 142].

Хроника работы кафедры за 1947 г. сообщает, что профессор Тронский будет заниматься рукописями римских авторов в ГПБ [Надэль, 1947, с. 216]. Судя по всему, именно Тронский, до войны долгое время работавший в ГПБ, обучил Юдифь Ефимовну основам латинской палеографии, которая в те годы читалась факультативно и потому в ее зачетке не отразилась. Ее диплом, посвященный Ленинградской рукописи Плиния Младшего в ГПБ [Копелевич, 1947], был, возможно, первым опытом самостоятельной работы студентки с латинскими рукописями и послужил ей в дальнейшем отличной школой³. 39 страниц рукописного текста на листах нотной бумаги (другой, видимо, не нашлось) содержат законченную филологическую работу, в которой не чувствуется никакого дыхания современности. Автор дает историографию вопроса со ссылками на научную литературу на немецком и английском языках, описывает рукопись, отмечая лакуны и ошибочные чтения, указывает на ее

² Личное дело Ю.Х. Копелевич // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Опись личных дел студентов. Д. 203. Л. 18.

³ В эти же годы М.Е. Сергеенко и А.И. Доватур занимались переводом писем Плиния, который вышел через несколько лет [Письма Плиния Младшего, 1950].

непосредственные источники и устанавливает соотношение между ней и другими рукописями этой группы в виде стеммы.

Вообще работа дипломницы с не описанной ранее рукописью XV в. — очень большая редкость, мне другие такие случаи неизвестны; здесь нужен не только талант, но и хорошая выучка. Через два года краткий реферат диплома был напечатан в «Докладах и сообщениях Филологического института Ленинградского университета» [Копелевич, 1949], рядом с докладами Тронского и О.М. Фрейденберг (на курсе Копелевич она ничего не вела). В тексте Фрейденберг о Сафо резкая критика буржуазных ученых сочеталась с присущими ей безумными мифологическими идеями, которые подавались в оболочке из классовой борьбы⁴. В реферате же Юдифи Ефимовны речь шла только об описании рукописи и ее месте в общей стемме рукописной традиции «Писем» Плиния, а западные ученые именовались «современными исследователями».

Защитив диплом, Юдифь Ефимовна с отличием окончила университет и поступила в аспирантуру кафедры классической филологии. В январе того же 1947 г. студент-классик IV курса Александр Зайцев, впоследствии профессор этой кафедры, был арестован по доносу однокашника и на семь лет помещен в Казанскую тюремно-психиатрическую больницу [Жмудь, 2000, с. 6–7]. В 1948 г. в стране началась мощная кампания против низкопоклонства перед Западом, в 1949 г. к ней добавилась кампания против космополитизма. Обе кампании напрямую затрагивали факультет, кафедру и саму Копелевич. В редакционной статье 1-го номера «Вестника древней истории» за 1948 г. «Против низкопоклонства перед иностранщиной в области древней истории» Лурье был обвинен в том, что излишне часто цитирует буржуазных историков и редко — отечественных, в 4-м номере его и Боровского обвиняли уже в том, что они «борются с марксистско-ленинской концепцией истории древней философии» [Жмудь, 2013, с. 14–15]. На фоне общего разгрома ленинградской филологической школы в 1949 г. [Дружинин, 2012] кафедра отделалась, можно сказать, малой кровью: увольнением в 1949 г. Лурье. Благодаря помощи президента Академии наук С.И. Вавилова он ненадолго устроился в Комиссию по истории физико-математических наук и начал перевод латинского труда об электричестве Ф.У.Т. Эпинуса, российского академика XVIII в. [Эпинус, 1951] — история русской науки стала крайне актуальной; вскоре Лурье уехал в Одессу, а в 1953 г. стал профессором Львовского университета. Будущий заведующий кафедрой Аристид Иванович Доватур (1897–1982), освободившийся после десятилетнего лагерного срока (1937–1947), жил в Луге и по договору с Институтом истории естествознания и техники переводил латинские научные тексты, в частности Ломоносова и знаменитый труд У. Гильберта «О магните» [Гильберт, 1956].

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. Юдифь Ефимовна, аспирантка Тронского, писала диссертацию на тему «Поздние сатиры Ювенала». Она закончила диссертацию в 1954 г., защитив ее в следующем году, и по этой работе можно многое сказать о ее учителях и о времени, когда она писалась. Начну с библиографии. В ней

⁴ «Песни Сафо дают прекрасный пример того, как жанровая специфика возникает в полной зависимости от социальных условий, от своеобразия классовой борьбы и вызванного им своеобразия общественного сознания»; «Становление реалистического, понятийного мышления всецело обязано становлению классового сознания, которое в ходе классовой борьбы создает новое идеологическое оружие, лирическую песню, непосредственно отражающую классовое мировоззрение» [Фрейденберг, 1949, с. 191, 195].

120 наименований, 10 из них — классики марксизма-ленинизма, включая отчетный доклад Сталина XIX съезду партии, 37 — русских работ и 73 на пяти иностранных языках — немецком, французском, английском, итальянском и латыни [Копелевич, 1954]. Чтобы добиться такого соотношения, диссертантка включила в библиографию не только все дореволюционные русские работы о Ювенале, но и многие общие советские труды по античной истории и литературе, в том числе и не упоминавшие Ювенала. Из зарубежной литературы она использовала все, что только было по теме в наших библиотеках за последние 150 лет. Замечу, что такие требования выдвигал далеко не только Тронский: исчерпывающего знания литературы вопроса на основных европейских языках ожидали от всякой *хорошей* диссертации по классической филологии, поэтому добросовестные люди нередко писали их по десять лет. В обширном тексте в 260 страниц Копелевич цитирует античные тексты только на языке оригинала и везде дает их собственный перевод. В приложении на 35 страницах, которое не имеет отношения к содержанию сатир, она анализирует три ренессансных рукописи сатир, две из них ранее не описанные, и указывает их место в общей рукописной традиции Ювенала, кстати, одной из самых сложных во всей латинской литературе. Это работа высшего класса, демонстрирующая как способности Юдифи Ефимовны, так и умения и знания, полученные ею в университете.

Вместе с тем на диссертации лежит тяжелая печать позднесталинского времени. Ее тема относилась уже не к палеографии, а к литературоведению, где классовый и идеологический анализ стал необходимой частью научного инструментария (ср. выше, прим. 4); без него успешная защита и прохождение диссертации через ВАК были просто немыслимы. Другое дело, насколько глубоко он проникал в ткань исследования. Любопытна в этом плане диссертация А.И. Доватура «Научный и фольклорный стиль в труде Геродота», которую недавний заключенный, лишенный права жить в крупных городах, смог защитить в 1952 г. на филфаке ЛГУ благодаря хлопотам академика Толстого. Введение на семи страницах с отдельной пагинацией содержит все обязательные элементы стиля того времени: критику западноевропейских (но все же не «буржуазных») ученых, характеристику Сталиным рабовладельческого строя, цитаты из его «Марксизма и вопросов языкознания», «Краткого курса ВКПб» и пр. [Доватур, 1951, с. I–VII]. Но в основном тексте двухтомной диссертации (560 с.) ничего этого нет; Доватур рискнул обойтись минимумом необходимых заклинаний и не ошибся. После реабилитации он издал эту работу в виде монографии [Доватур, 1957], имевшей широкий научный успех.

Диссертация Копелевич сделана совсем иначе. Автор начинает с того, что существо творчества Ювенала плохо поддается эстетствующему, безыдейному анализу современной буржуазной филологии. Раскрыть это существо, «освободить образ Ювенала от тех искажений, которым он подвергался со стороны феодальных и буржуазных идеологов, осмыслить историческую обусловленность и социальную направленность ювеналовской сатиры — такая задача встала перед советской классической филологией; эта задача еще отнюдь не решена полностью» [Копелевич, 1954, с. 8]. Проблема, с которой давно уже столкнулись исследователи Ювенала, состояла в том, что его первые девять сатир гораздо резче и критичнее, чем шесть последующих. Некоторые даже считали поздние сатиры неподлинными, но в большинстве своем ученые, в том числе и советские, объясняли эти различия тем, что в старости Ювенал исчерпал свой прежний пыл, либо просто принимали их как данность (так: [Тронский, 1946, с. 465]).

Копелевич отвергает все предшествующие объяснения, обличая по ходу дела «космополитствующих буржуазных историографов», и выдвигает собственное, которое делает поэзию Ювенала верхушкой многоуровневой конструкции: экономика — политика — идеология — философия и литература. Вкратце ее можно описать так: социально-экономический и политический кризис в рабовладельческой Римской империи повлиял на политику императоров из династии Антонинов, которые стремились к консолидации господствующего класса рабовладельцев. Это отразилось на официальной идеологии, направленной на примирение с действительностью, под влиянием чего «литература отходит от основных противоречий действительности, в значительной степени утрачивает свой обличительный характер. Она подчиняется задаче прославления и идеализации своего времени» [Копелевич, 1954, с. 105]. В соответствии с этими «идеологическими задачами» Ювенал придает своим поздним сатирам более примирительный характер. Эта концепция последовательно доказывается, уровень за уровнем, на обширном историческом и филологическом материале греческих и латинских текстов во всех шести главах работы, написанной очень хорошим, энергичным стилем.

Такая конструкция складывалась в советском литературоведении с 1930-х гг., окончательно сформировавшись на рубеже 1940–1950-х гг. Так, в трудах 1930-х гг. известного литературоведа профессора филфака ЛГУ Г.А. Гуковского движущей силой истории русской литературы была политика и идейная борьба, в которой сталкивались, как правило, не два противоположных класса, как в более ранней схеме историка М.Н. Покровского⁵, а две группы одного класса, прогрессивная и реакционная [Пономарев, 2008, с. 399]. В работах о Ювенале рубежа 1930–1940-х гг. такой анализ едва обозначен, как во вступительной статье А.И. Белецкого к переводам Ювенала [Белецкий, 1937], или вообще отсутствует, как в «Истории римской литературы» (1942) филолога-классика старой школы академика М.М. Покровского [Покровский, 2004, с. 322–326]. В учебнике Тронского, где каждый период литературы предварен очерком социально-политической истории, говорится, что «в произведениях Ювенала нередко звучит голос небогатых слоев свободного италийского населения» [Тронский, 1946, с. 466]. Наконец, в учебнике по римской литературе под редакцией Н.Ф. Дератани, заведующего кафедрой классической филологии МГУ и референта ВАК, через чьи руки проходили все диссертации по классической филологии, социально-экономическая трактовка предстает в виде схемы, делящей всех писателей на три категории: официальное направление, аристократическая оппозиция, демократическая оппозиция. В последнюю группу включен и Ювенал, «выразитель и защитник интересов малоимущих “свободных”» и даже сторонник республики [Дератани, 1954, с. 488, 491]⁶.

⁵ В согласии со схемой Покровского, в «Истории древне-римской литературы» Н.Ф. Дератани Ювенал обличал пороки «римского капиталистического общества эпохи Домициана» [Дератани, 1928, с. 83].

⁶ Острокритическая рецензия на московский учебник, написанная двумя сотрудниками ленинградской кафедры при неясном, но весьма ошутимом участии Тронского, была напечатана в конце 1956 г., когда политическая ситуация резко изменилась [Вулих, Чистякова, 1956]. Согласно современным исследованиям социального положения Ювенала и его отражений в сатирах, он был богатым римским всадником с собственным домом в Риме и двумя поместьями в Италии, который очень критически относился к нравам высшей знати — магнатов из сенаторского сословия [Armstrong, 2012].

Анализ сатир Ювенала в диссертации Копелевич был, разумеется, гораздо более профессиональным, гибким и нюансированным, но двигался в том же самом русле. Какие именно факторы оказались решающими в выборе такой методологии работы: собственные ли взгляды Юдифи Ефимовны тех лет, убеждение в том, что иначе диссертацию не защитить, влияние Тронского и руководства кафедры или боязнь отступить от генеральной линии партии, членом которой она стала в 1942 г. на фронте? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, об отношении Копелевич к своей диссертации красноречиво говорит тот факт, что ни до, ни после защиты она не опубликовала из нее ни одной строчки. Более того, ничего по античной тематике она никогда в дальнейшем не писала и сожалений по этому поводу не испытывала⁷. Избранная ею, точнее, навязанная ей методология ее больше не устраивала. Не найдя научной работы в университете (одной из причин могло быть то, что после смерти Сталина произошел отказ от эксперимента по изучению латыни в школе и потому на кафедре сократили число студентов и преподавателей), Копелевич в 1955 г. поступила на службу в ИИЕТ, с которым сотрудничала и раньше.

Нельзя сказать, что в институте ее ожидала легкая жизнь: она сразу же окунулась в переводы с латыни научных текстов XVIII в., которые неспециалисту трудно понять и по-русски. (Возможно, освоить их помогло влияние ее отца, преподавателя физики и математики.) Если до войны в СССР очень активно переводили подлинных классиков науки, то в 1940–1950-е гг. в печать нередко шли второ- и даже третьестепенные фигуры, жившие в России. В 1955 г. под редакцией замдиректора ИИЕТ Н.А. Фигуровского вышел толстый том переводов работ по химии академика Т.Е. Ловица (1757–1804), причем три из них перевел очень крупный московский историк науки В.П. Зубов, а 48 — Юдифь Ефимовна, но на титуле ее имени нет, в предисловии же сказано: «Значительная часть переводов выполнена Ю.Х. Копелевич» [Фигуровский, 1955, с. 8]. Вспоминая (несколько неточно) этот эпизод в интервью, она говорила, что тогда многие переводы часто печатали вообще без фамилий, в частности труды ее многолетней коллеги по ИИЕТу Татьяны Николаевны Кладо (1889–1972) [Новик, 2001, с. 107].

Том «Историко-математических исследований» за 1957 г., посвященный юбилею Леонарда Эйлера, открывается публикацией Копелевич материалов к его биографии в переводе с латыни, немецкого и французского и подробным комментарием [Копелевич, 1957а]. Здесь же она издает неизвестную переписку Эйлера и Якова Брюса [Копелевич, 1957б]. Так наметились основные линии ее филологической и историко-научной работы, в которой умение работать с рукописями играло центральную роль: публикации и переводы научных текстов с разных языков и по любым наукам, составление библиографий, указателей и резюме переписки, часто совместно с коллегами старшего поколения, Т.Н. Кладо и Татьяной Аркадьевной Лукиной (1917–1999), также филологом-классиком. Все трое пришли в ИИЕТ в 1955 г. Из москвичей Копелевич чаще всего сотрудничала с выдающимся историком математики Адольфом Павловичем Юшкевичем (1906–1993). Оценив по достоинству ее способности и знания, Юшкевич ввел Юдифь Ефимовну в международный коллектив по изданию писем Эйлера, сначала в ГДР, а затем и в Швейцарии, и эйлеристика на много десятилетий стала одной из основных тем ее работ.

⁷ О последнем обстоятельстве со слов Юдифи Ефимовны мне рассказала Е.Ю. Басаргина.

В интервью она называет аннотированный указатель ученой переписки Эйлера [Эйлер, 1970] лучшим из проектов, в которых она участвовала. Между тем эта книга — чистое самоотречение, она сделана для других историков науки, собственные открытия в ней не видны, авторский вклад растворен в коллективе. Но Юдифь Ефимовна такое положение дел, видимо, особо не смущало: тематика ее работ расширяется, но их характер остается тем же. Ее первая самостоятельная монография вышла почти через 20 лет работы в институте, когда, по ее словам, она уже перелистала в Архиве РАН весь XVIII в. Можно предположить, что блестящее знание науки XVIII в. по первоисточникам дало ей необходимую уверенность в собственных силах, чтобы взяться за масштабную самостоятельную работу. Формальным поводом был, как это часто у нас бывает, очередной юбилей, на этот раз Академии наук в 1974 г. В 1967 г. Юдифь Ефимовна задумала написать книгу об основании Петербургской академии, но в результате издала две — «Возникновение научных академий» (1974) и «Основание Петербургской академии наук» (1977). Я остановлюсь только на первой книге, которую она ценила больше всего в своем творчестве. Чем она необычна, оригинальна и хороша?

«У меня тогда было убеждение, что нельзя писать историю нашей Академии, не зная истории других», — говорит Копелевич в интервью [Новик, 2001, с. 109]. Это убеждение, разделяемое далеко не всеми нашими историками, высказал человек, который знал науку XVIII в. и ее организацию изнутри и прекрасно понимал: если в Западной Европе сначала появилась наука, а потом научные академии, а в России произошло наоборот, то невозможно начинать лишь с воли просвещенного монарха, пригласившего в академию иностранных ученых, — необходимо заглянуть в XVII в., понять, откуда пошли сами академии. Ни до, ни после революции в России подобного рода книг не было, Копелевич была на этом пути первой. Более того, таких книг не было и в Европе: внимательно изучив все 218 пунктов ее библиографии, я не нашел там ни одной работы сравнительно-исторического характера, которая освещала бы не только историю академии в родной для автора стране, но и зарождение академий во всей Европе и даже в Америке. Истории национальных академий начали писать еще в XVII в., и Юдифь Ефимовна все их изучила и использовала, отнюдь не скрывая, где именно она от них зависит (в частности, от истории Прусской Академии наук). Но чтобы выйти за рамки своей страны и дать сравнительный анализ, нужны не только широта интересов и научные амбиции, нужно и то, что немцы называют *Urteilkraft*, — способность к суждениям, нужна отличная историко-филологическая подготовка: умение читать акты академий, научные журналы, монографии, переписку на пяти языках, ну и, разумеется, нужно знать и понимать саму науку того времени.

Все эти качества ярко проявились в монографии Копелевич. Она отлично и живо написана, а когда речь идет об организации науки, это очень непросто. В отличие от диссертации, в ней нет никакой навязанной, чуждой предмету идеологии, классики в библиографию не включены, в книге отсутствуют даже попытки трактовать научные теории с социально-экономической точки зрения. Это многое говорит и об эволюции автора, и об эволюции страны. Юдифь Ефимовна вспоминает, что до издательства ее рукопись попала в руки кого-то из москвичей (его имя она из деликатности не называет), и тот сказал: «Эта книга — аполитична». И ей стали делать замечания, «что, мол, мало социальной стороны этого дела и тому подобное. И это всерьез!» [Новик, 2001, с. 109]. Пришлось пойти на какие-то косметические

меры, например, вставить в книгу портрет Ломоносова, своего рода охранительный образ, и книга вышла.

Можно только позавидовать искусству, с которым Юдифь Ефимовна переходит в книге от обсуждения научных идей и методов к биографиям творцов и организаторов науки, научным журналам, проектам академий, их бюджетам и повседневной жизни, их проблемам и слабостям. Глава о Петербургской Академии наук выглядит очень органично на фоне других научных организаций того времени: видно, что именно пришло из Лондона, Парижа и Берлина, что продиктовано местными условиями, в чем преимущества и недостатки строительства науки сверху и ее зависимости от государства, точнее, от того, кто сегодня на троне. Здесь, как и в других главах, организация науки представлена конкретными людьми и их судьбами, письмами, документами. Позже из этого материала вырос отдельный труд о Петербургской Академии наук.

Читая эту книгу, я не раз задавался вопросом, почему Юдифь Ефимовна не защитила ее как докторскую диссертацию. Недавно моя коллега Наталья Георгиевна Сухова, близко знавшая Копелевич, ответила на него: Юдифь Ефимовна обращалась в докторский совет на историческом факультете ЛГУ, но там ей сказали, что тема «недиссертательна». Можно догадаться, из каких идеологических соображений тогдашний декан истфака, завкафедрой истории КПСС В.А. Ежов (ныне полностью забытый историк ленинградского рабочего класса) отказал фронтовичке и члену партии, ученому, уважаемому в своем институте, в стране и за ее пределами. Вспоминать об этом неприятно, но помнить нужно.

Источники

Копелевич Ю.Х. Ленинградская рукопись Плиния Младшего: Дипломная работа. Рукопись, 1947 // Архив кафедры классической филологии СПбГУ. 39 с.

Личное дело Ю.Х. Копелевич // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Описание личных дел студентов. Д. 203.

Литература

Белецкий А.И. Вступительная статья // Ювенал. Сатиры / Пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского. М.: Academia, 1937. С. I–XXVI.

Вулих Н.В., Чистякова Н.А. История римской литературы под редакцией проф. Н.Ф. Дератани // Вестник Ленингр. ун-та. 1956. № 20. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 166–170.

Гаврилов А.К. Наследие Я.М. Боровского // Боровский Я. М. Opera philologica / Изд. подг. А.К. Гаврилов, Т.В. Шабурина, В.В. Зельченко. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2009. 642 с.

Герценберг Л.Г. Тронский И.М. // Двойной портрет (филологи-классики о филологах-классиках). Сб. ст. / Сост. М.Н. Славятинская. М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2011. С. 137–142.

Гильберт У. О магните / Пер. с лат. А.И. Доватура под ред. А.Г. Калашникова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 412 с.

Дератани Н.Ф. История древне-римской литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 312 с.

Дератани Н.Ф. (ред.). История римской литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. 524 с.
Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1–2. М.: НЛО, 2012.

Жмудь Л.Я. А.И. Зайцев и его «Культурный переворот» // Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. / Под ред. Л.Я. Жмудя. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2000. С. 3–29.

Жмудь Л.Я. Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х годов // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. №. 3. С. 2–26.

Жмудь Л.Я. С.Я. Лурье как историк науки // С.Я. Лурье. Избранные работы по истории науки / Под ред. Л.Я. Жмудя. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 4–50.

Каганович Б.С. А.А. Смирнов об «Истории античной литературы» И.М. Тронского // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. Т. IV. № 1. С. 517–526.

Копелевич Ю.Х. Ленинградская рукопись писем Плиния Младшего // Доклады и сообщения Филологического института. Вып. 1 / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. С. 185–189.

Копелевич Ю.Х. Поздние сатиры Ювенала. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1954. 260 с.

Копелевич Ю.Х. Материалы к биографии Леонарда Эйлера // Историко-математические исследования. Вып. 10. / Под ред. Г.Ф. Рыбкина и А.П. Юшкевича. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–55.

Копелевич Ю.Х. Переписка Л. Эйлера и Я.В. Брюса // Историко-математические исследования. Вып. 10. / Под ред. Г.Ф. Рыбкина и А.П. Юшкевича. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 95–116.

Надэль Б.И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 1-м полугодии 1946–1947 уч. года [Хроника] // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 215–216.

Новик В.К. (публик.) «Мне очень свойственно сомнение...» (интервью Ю.Х. Копелевич) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 4. С. 93–116.

Письма Плиния Младшего / Пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура, В.С. Соколова; Примеч. М.Е. Сергеенко, В.С. Соколова; Отв. ред. И.И. Толстой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 578 с.

Покровский М.М. История римской литературы. М.: Лист Нью, 2004 (1-е изд. 1942). 400 с.

Пономарев Е.Р. Как сделана идеология науки. Крах профессора Г.А. Гуковского // Russian Literature. 2008. Vol. 63. No. 2–4. P. 397–425.

Толстой И.И. (ред.). Эллинистическая техника. Сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 365 с.

Тронский И.М. История античной литературы. Л.: Учпедгиз, 1946. 496 с.

Файер В.В. Этика академической памяти в условиях поколенческого конфликта // Словесие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 301–315.

Фигуровский Н.А. От редактора // Ловиц Т.Е. Избранные труды по химии и химической технологии / Ред., статьи и примеч. Н.А. Фигуровского. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 5–9.

Фрейденберг О.М. Сафо // Доклады и сообщения Филологического института. Вып. 1 / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. С. 190–198.

Эйлер Л. Метод нахождения кривых линий, обладающих свойствами максимума, либо минимума / Пер. Я.М. Боровского. М.: ГТТИ, 1934. 578 с.

Эйлер Л. Письма к ученым / Сост. Т.Н. Кладо, Ю.Х. Копелевич, Т.А. Лукина; под ред. В.И. Смирнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 388 с.

Эпинус Ф.У.Т. Опыт теории электричества и магнетизма / Пер. С.Я. Лурье под ред. Я.Г. Дорфмана. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 564 с.

Юсупова Т.И., Смагина Г.И. Историк науки в контексте эпохи: историограф Академии наук Юдифь Хаимовна Копелевич // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 3. С. 7–38.

Armstrong D. *Juvenalis Eques: A Dissident Voice from the Lower Tier of the Roman Elite* // A Companion to Persius and Juvenal / Eds. S. Braund, J. Osgood. Wiley-Blackwell, 2012. P. 59–78.

Yu. Kh. Kopelevich: From Classical Philologist to Historian of Science

LEONID YA. ZHMUD

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: l.zhud@spbu.ru

The article examines the professional formation and evolution of the views of a prominent historian of science Yudit Kopelevich. In 1939 she entered the Department of Classical Philology of the Leningrad State University, where she returned after her service in the army during the World War II (1941–1944); here she completed her postgraduate studies there and defended her PhD thesis (1955). Particular attention in the article is paid to the analysis of the historical circumstances of the late 1940s and early 1950s, as well as the teachers of Kopelevich, many of whom were engaged in the history of science. They managed to develop her abilities and give her a brilliant historical-philological training, which ensured her success as a historian of science, translator and publisher of scientific texts.

Keywords: Yudit Kopelevich, Department of Classical Philology of Leningrad State University, Institute for the History of Science and Technology, history of science.

Literature

Armstrong, D. (2012). *Juvenalis Eques: A Dissident Voice from the Lower Tier of the Roman Elite*, in D. Braund, J. Osgood. (Eds.), *A Companion to Persius and Juvenal* (pp. 59–78), Wiley-Blackwell.

Deratani, N.F. (1928). *Istoriya drevnerimskoy literatury* [History of ancient Roman literature], Moskva, Leningrad (in Russian).

Deratani, N.F. (Ed.) (1954). *Istoriya rimskoy literatury* [History of Roman literature], Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta (in Russian).

Druzhinin, P.A. (2012). *Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noye issledovaniye* [Ideology and philology. Leningrad, 1940s: Documentary research], vol. 1–2, Moskva (in Russian).

Epinus, F.U.T. (1951). *Opyt teorii elektrichestva i magnetizma* [Experience in the theory of electricity and magnetism], transl. by S.Ya. Lurie, ed. by Ya.G. Dorfman, Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Euler, L. (1934). *Metod nakhozhdeniya krivyykh liniy, obladayushchikh svoystvami maksimuma, libo minimuma* [A method for finding curved lines with properties of a maximum or minimum], transl. by Ya.M. Borovsky, Moskva: GTTI (in Russian).

Euler, L. (1963). *Pis'ma k uchenym* [Letters to scientists], collect. and transl. by T.N. Klado, Yu.Kh. Kopelevich, T.A. Lukina; V.I. Smirnov (Ed.), Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Fayer, V.V. (2013). Etika akademicheskoy pamyati v usloviyakh pokolencheskogo konflikta [Ethics of academic memory in conditions of generational conflict], in E.A. Vishlenkova, I.M. Savel'yeva (Eds.), *Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [Estate of Russian professors. The creators of statuses and meanings] (pp. 301–315), Moskva (in Russian).

Figurovskiy, N.A. (1955). Ot redaktora [Editor's preface], in N.A. Figurovskiy (Ed.), Lovic, T.E. *Izbrannyye trudy po khimii i khimicheskoy tekhnologii* [Selected works on chemistry and chemical technology] (pp. 5–9), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Freidenberg, O.M. (1949). Safo [Sapho], in M.P. Alekseev (Ed.), *Doklady i soobshcheniya Filologicheskogo instituta* [Reports and messages of the Philological Institute], Vyp. 1 (pp. 190–198), Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta (in Russian).

Gavrilov, A.K. (2009). Naslediye Ya.M. Borovskogo [Legacy of Ya.M. Borovskij], in Ya.M. Borovskij, *Opera philologica*, A.K. Gavrilov et al. (Eds.), S.-Peterburg: Bibliotheca classica Petropolitana (in Russian).

Gilbert, W. (1956). *O magnite* [On the magnet], transl. from Latin by A.I. Dovatur, ed. by A.G. Kalashnikov, Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Herzenberg, L.G. (2011). Tronskiy I.M. [Tronsky I.M.], in *Dvoynoy portret (Filologi-klassiki o filologakh-klassikakh). Sbornik statey* [Double portrait (Classical philologists about classical philologists). Collection of articles] (pp. 137–142), M.N. Slavyatinskaya (Ed.), Moskva (in Russian).

Kaganovich, B.S. (2008). A.A. Smirnov ob "Istorii antichnoy literatury" I.M. Tronskogo [A.A. Smirnov about I.M. Tronsky's "History of Ancient Literature"], *Acta Linguistica Petropolitana*, IV (1), 517–526 (in Russian).

Kopelevich, Yu.Kh. (1947). *Leningradskaya rukopis' Pliniya Mladshego. Rukopis' diplomnoy raboty* [Leningrad manuscript of Pliny the Younger. Diploma work, manuscript], Leningrad (in Russian).

Kopelevich, Yu.Kh. (1949). Leningradskaya rukopis' pisem Pliniya Mladshego [Leningrad manuscript of the letters of Pliny the Younger], in M.P. Alekseev (Ed.), *Doklady i soobshcheniya Filologicheskogo instituta* [Reports and messages of the Philological Institute], Vyp. 1 (pp. 185–189), Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta (in Russian).

Kopelevich, Yu.Kh. (1954). Pozdniye satiry Yuvenala, Dis. kand. fil. nauk [Late satires of Juvenal, Dis. ... cand. phil. sciences], Leningrad (in Russian).

Kopelevich, Yu.Kh. (1957). Materialy k biografii Leonarda Eylera [Materials for the biography of Leonhard Euler] in G.F. Rybkin, A.P. Yushkevich (Eds.), *Istoriko-matematicheskiye issledovaniya* [Research in the history of mathematics], vyp. 10 (pp. 9–55), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Kopelevich, Yu.Kh. (1957). Perepiska L. Eylera i Ya.V. Bryusa [Correspondence between Leonard Euler and Jacob Bruce], in G.F. Rybkin, A.P. Yushkevich (Eds.), *Istoriko-matematicheskiye issledovaniya* [Research in the history of mathematics], vyp. 10 (pp. 95–116), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Nadel, B.I. (1947). Kafedra klassicheskoy filologii Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta v 1-m polugodii 1946–1947 uch. goda (Khronika) [Department of Classical Philology of the Leningrad State University in the 1st half of the year 1946–1947 year (Chronicle)], *Vestnik drevney istorii*, no. 2, 215–216 (in Russian).

Novik, V.K. (publ.) (2001). "Mne ochen' svoystvenno somneniye ..." (interv'yu Yu.Kh. Kopelevich) ["I tend to doubt a lot..." (Interview with Yu. Kh. Kopelevich)], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, 93–116 (in Russian).

Pokrovsky, M.M. (2004). *Istoriya Rimskoy literatury* [History of Roman Literature], Moskva: List New (1st ed. 1942) (in Russian).

Ponomaryev, E.R. (2008). Kak sdelana ideologiya nauki. Krakh professora G.A. Gukovskogo [How the ideology of science is made. The failure of professor G.A. Gukovskii], *Russian Literature*, 63 (2–4), 397–425 (in Russian)

Tolstoy, I.I. (Ed.) (1948). *Ellinisticheskaya tekhnika. Sbornik statey* [Hellenistic technology. Collection of articles], Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian)

Tronsky, I.M. (1946). *Istoriya antichnoy literatury* [History of ancient literature], Leningrad: Uchpedgiz (in Russian).

Yusupova, T.I., Smagina, G.I. (2021). Yudif' Khaimovna Kopelevich — istoriograf Akademii nauk [Judith Khaimovna Kopelevich — historiographer of the Academy of Sciences], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 12 (3), 7–38 (in Russian).

Zhmud, L. (2000). A.I. Zaitsev i yego “Kul’turnyy perevorot” [A.I. Zaitsev and his “Cultural Upheaval”], in Zaitsev, A.I., *Kul’turnyy perevorot v Drevney Gretsii (VIII–V vv. do n. e)* [Cultural upheaval in Ancient Greece (8th–5th centuries BC)], 2nd ed. (pp. 3–29), L. Zhmud (Ed.), S.-Peterburg: Philological faculty of Saint-Petersburg State University (in Russian).

Zhmud, L. (2016). S.Ya. Lur’ye kak istorik nauki [S.Ya. Lurje as a historian of science], in Lurje, S.Ya., *Izbrannyye raboty po istorii nauki* [Selected works on the history of science] (pp. 4–50), L. Zhmud (Ed.), S.-Peterburg: Izd-vo RHGA Publishing House (in Russian).

Zhmud, L. (2013). Izucheniye antichnoy nauki v IINiTe na fone 1930-kh godov [The study of ancient science at IINiT against the backdrop of the 1930s], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 2–26 (in Russian).